

Когда он вернулся в ту безмолвную пустоту, разум Му Цинхуа всё ещё пребывал в оцепенении. События развивались так стремительно, что он даже не успел осознать происходящее. Перед глазами до сих пор стояла последняя картина: человек, с которым он прожил бок о бок более десяти лет, человек с самой светлой и искренней улыбкой, превратился в кровавое месиво.

Е Чунлань... погиб?

Му Цинхуа моргнул, и вдруг в груди кольнуло — резкая, но приглушённая боль, словно от укола иглы, начала разливаться внутри, не утихая ни на миг.

Для него это странное чувство было в диковинку. Му Цинхуа озадаченно коснулся груди и глубоко вдохнул, но боль не отступала.

С самого детства Му Цинхуа не был обычным ребёнком. Другие дети плакали, когда им было грустно, смеялись, когда радовались, и жаловались родителям, когда их обижали. Он же лишь смотрел на мир спокойными, лишёнными всяких волнений глазами.

Он не умел общаться с людьми, был нечувствителен к чужим эмоциям, не понимал радости и не ведал печали. Даже когда его родители погибли в авиакатастрофе, он не проронил ни слезинки. Слушая тайные перешёптывания окружающих о своей холодности, он порой сам задавался вопросом: может, он и правда бесчувственный монстр?

Хотя родители, поглощённые работой, никогда не были с ним близки, всё же они были его семьёй. Любой нормальный человек почувствовал бы горе, но в душе Му Цинхуа не возникло даже ряби.

Если уж он оставался равнодушным к родным по крови, то что говорить о других? Му Цинхуа всегда смотрел на мир со стороны, как сторонний наблюдатель. Попал в другой мир? Ну и пусть. Это конец света? Меня не касается. Люди вокруг страдают, каждый день кто-то умирает, случаются трагедии? Понятно...

Своим безразличным и спокойным видом Му Цинхуа скрывал свою душевную пустоту.

Е Чунлань стал исключением. Неожиданностью, к которой Му Цинхуа оказался не готов. Как бы он ни был нечувствителен к окружающим, он ощущал, что этот человек искренне заботился о нём. За те десять с лишним лет в том мире они почти не разлучались. И если не считать того, что Е Чунлань не всегда позволял ему сидеть дома, как того хотелось самому Му Цинхуа, во всём остальном он всегда шёл ему навстречу.

Му Цинхуа любил видеоигры, и Е Чунлань однажды пробрался в город, кишасший зомби, только ради того, чтобы найти для него диски с играми.

Так неужели этот человек действительно умер? И они никогда больше не увидятся? В

бесконечной ноющей боли вдруг проснулось невыразимое раздражение. Ему не нравилось это состояние, совсем не нравилось.

Раздражение сделало привычное окружение невыносимым. Раньше он не обращал на него внимания, а теперь каждое мгновение вызывало досаду. К счастью, железная самодисциплина помогла ему сохранить внешнее спокойствие.

Мелкий снег оседал на его висках и бровях. Даже во сне его холодные, одинокие брови были плотно сдвинуты.

Когда слышались тихие шорохи, Му Цинхуа подумал, что спит. Затем он услышал радостное щебетание птиц. Тепло разливалось по телу — это было ощущение солнечных лучей. Опавший лист, кружась, опустился прямо над его губами, щекоча кожу. Он слегка приоткрыл рот, высунул кончик языка и подцепил нежно-зелёный листок. Вкус оказался неплох: свежий аромат травы, горьковатый с едва уловимой сладостью.

Звуки внизу становились всё ближе — это были голоса двух людей. Му Цинхуа приоткрыл один глаз и сквозь густую листву взглянул вниз: красивый мужчина и прекрасная женщина — настоящая пара.

Впрочем, после пары их фраз Му Цинхуа приподнял бровь.

Хэ Цинчжэнь нечасто удавалось выбраться из дворца. Будучи наложницей, она могла бы провести всю жизнь за стенами, если бы не засуха и эпидемия, заставившие императора лично отправиться на гору Цзиньань, чтобы вознести молитвы о благополучии народа.

Она чувствовала себя встревоженной, но в то же время счастливой. Опасливо оглядевшись по сторонам, она прошептала:

— Ты... ты совсем обезумел? Я только получила высокий титул, за мной следит столько глаз! Что будет, если нас обнаружат?

Мужчина в дорогих одеждах резко обернулся, его глаза пылали яростью:

— Да уж, теперь ты госпожа Чжэнь-фэй, первая среди четырёх наложниц! Мой императорский брат души в тебе не чает, наверняка ты уже давно забыла о своём никчёмном брате-ване!

Хэ Цинчжэнь отличалась гордым нравом и не могла стерпеть таких язвительных слов. Её глаза мгновенно покраснели, она сжала зубы и обиженно ответила:

— Как ты можешь такое говорить! Ради кого я стала этой наложницей? Если бы не ты, если бы не маленький А-Шоу, стала бы я заискивать перед Его Величеством? Думаешь, легко быть Чжэнь-фэй? Каждый шаг — как по лезвию ножа, вечная осторожность, чтобы никто не подстроил ловушку, а ты ещё и упрекаешь меня...

Слова лились потоком, вся накопившаяся обида вырвалась наружу, но она упрямо сдерживала слёзы. Она дёрнула рукавом и хотела уйти, но Ци-ван внезапно обнял её со спины.

— Прости... — горячее дыхание опалило её шею, заставляя женщину обмякнуть. — Я просто ревную. Каждый день слышу, как императорский брат осыпает тебя милостями, как проводит с тобой ночи — от этих мыслей я готов убивать. Ты принадлежишь только мне...

Цепочка поцелуев спустилась по изящной шее, одежда распахнулась, обнажая нежную кожу, и воздух вокруг накалился.

— Ты... нет, здесь нельзя, кто-нибудь увидит... — задыхаясь, сопротивлялась Хэ Цинчжэнь.

Чувствуя под ладонями нежную кожу, Ци-ван прильнул к её пышной груди, жадно вдыхая сладкий аромат:

— Не бойся, здесь никого нет...

...

Тяжёлое дыхание и стоны сменяли друг друга. Эти двое, охваченные страстью, даже не подозревали, что за их тайным свиданием наблюдают равнодушные глаза.

Посмотрев на белеющие под деревом тела, Му Цинхуа тихо зевнул, склонил голову набок и снова уснул.

Воздух был свежим, солнце ярко светило — самое время для полуденного сна, вот только слишком уж шумно...

В то самое время, пока Му Цинхуа спал, в другом мире открыл глаза человек.

Е Чунлань отослал всех слуг и встал перед бронзовым зеркалом, разглядывая себя. Стройное тело, величественное лицо, благородная и холодная аура — всё это казалось ему крайне непривычным.

Помолчав мгновение, он вдруг ослабился, и вся его величественность мгновенно испарилась, сменившись чем-то более простым и живым.

Поскольку опыт перемещения у него уже был, Е Чунлань адаптировался довольно быстро — во всяком случае, он не был так шокирован, как в прошлый раз. Хотя его и терзали сомнения, почему он снова не погиб, а вселился в другое тело, сама возможность жить была, в конце концов, неплохой.

Но эта мысль улетучилась, едва он получил воспоминания прежнего владельца тела. В чьё тело угодно, только не в тело императора! Мало того, что он император, так ещё и рогоносец, которого в итоге отравит собственная наложница!

Как и любой мастер боевых искусств, Е Чунлань не жаловал двор. Хотя он и отдал жизнь, защищая Великую Тан, верность государю и любовь к родине — вещи разные. Он защищал народ Тан, её прекрасные горы и реки, а не династию Ли. К властям он был равнодушен, а к императорам и чиновникам — тем более.

Разве не говорят, что императоры — это воплощения истинных драконов, защищённые божественной силой? Почему же тогда его, блуждающую душу, так легко впустили в это тело?

Е Чунлань был в отчаянии. Он не умел править! Что, если он погубит страну? Что, если по небрежности станет тираном?!

Он метался по кровати, обливаясь потом. Хуже того, у прежнего владельца остались неисполненные желания: он хотел укрепить страну, отомстить своим врагам и заставить тех, кто довёл его до мучительной смерти, заплатить по счетам!

С мезтью было проще — достаточно было применить технику Возвращения журавля, а потом собрать вещи и сбежать. Но вот с управлением страной всё было гораздо сложнее.

Вокруг него были одни волки: предвзятая Вдовствующая императрица, младший брат, наставляющий ему рога, наложница-отравительница и дядя с огромной армией. Все они обладали огромной властью. Даже императора нельзя было просто так казнить, тем более что прежний владетель хотел остаться в памяти мудрым правителем, а значит, нельзя было прослыть жестоким тираном. Е Чунлань, привыкший решать всё силой, оказался в тупике. Интриги и подковёрные игры — это было не для него.

Осознав своё положение, он хотел было всё бросить и уйти, но ноги не слушались. Как бы то ни было, он занял чужое тело, выжил за счёт другого человека, и теперь, чувствуя вину перед прежним владетелем, не мог просто игнорировать его последнюю волю.

В конце концов, он из Горной обители Скрытого Меча, а они никогда не отступают перед трудностями! Е Чунлань сжал кулаки.

— Ваше Величество, — снаружи послышался робкий голос евнуха. — Уже поздно, прикажете подавать ужин?

Е Чунлань поднялся, аккуратно сложил скомканное одеяло и, погладив живот, разрешил войти.

Из воспоминаний он знал, что находится не во дворце, а в даосском монастыре Цинтун на горе

Цзиньань. Династия Тун почитала даосизм, а монастырь Цинтун был первым в Поднебесной. На седьмой год правления Чуньюаня, когда на северо-западе свирепствовала засуха и эпидемия, император Ли Синьюань привёз сюда свиту и наложниц, чтобы молиться о мире и процветании.

Кто же знал, что эпидемия распространится так быстро? На обратном пути многие в свите, включая доверенных лиц императора, заразились. Это дало шанс злоумышленникам.

Сам Ли Синьюань тоже заболел. Тогда Чжэнь-фэй ухаживала за ним, и император, прежде лишь слегка интересовавшийся ею, был глубоко тронут. Выздоровев, он возвысил её до ранга гуйфэй, и она стала полновластной хозяйкой гарема.

Кто бы мог подумать, что эта «понимающая душа» на деле окажется ядовитой змеей? Ненависть, которую испытывал прежний владелец перед смертью, вспыхнула в Е Чунлане с новой силой, стоило ему увидеть Хэ Цинчжэнь.

— Ваше Величество, — Хэ Цинчжэнь была прекрасна. Её глаза сияли нежностью, а щёки слегка порозовели. В ней сочетались зрелая женственность и девичья застенчивость. — Я слышала, вы почти не притронулись к ужину. Я беспокоюсь и сама приготовила для вас суп. Поешьте немного. Я знаю, что вас заботят государственные дела, но для меня ваше здоровье важнее всего.

Не отравлен ли он?! Глядя на чашу с супом, Е Чунлань первым делом подумал именно об этом. Впрочем, он тут же отбросил эту мысль: она не дура, чтобы убивать его сейчас, когда рассчитывает на повышение титула и хочет сделать своего сына наследником.

Кстати о сыне: ещё одна печальная история. Узнать, что сын, которого ты растил годами, не твой, а плод связи твоей женщины и твоего брата — что может быть больнее?

Е Чунлань проникся сочувствием к прежнему владельцу: жизнь императора оказалась донельзя жалкой.

Е Чунлань через силу выпил суп, а когда женщина попыталась прильнуть к нему, решительно отстранился.

Незаметно потеряв руку, он даже не взглянул на неё, когда она чуть не упала от его резкого движения, и холодно бросил:

— Поздно уже, Чжэнь-фэй, возвращайся к себе, я собираюсь спать.

Не успела она ответить, как он скрылся во внутренних покоях, не дав ей ни шанса на разговор.

Смешно. Как бы она ни была хороша, до его Даоса ей было далеко. У него уже был любимый человек, и никакие женские чары не могли его соблазнить.

Вспомнив о Даосе, которого, возможно, больше никогда не увидит, Е Чунлань приуныл и всю ночь не мог сомкнуть глаз.

<http://bllate.org/book/22147/2307315>